

Новая газ. - 2003. - 17-19 февр. - с. 22

А ВСЕГО-ТО ДВЕ «ПЯТЕРКИ»...

Самому
закадычному
«другу» всех
министров
образования
Юрию
Данилину
перевалило
за 55 лет

Из личного архива Юрия Данилина

Он живет громко, не повышая голоса

Когда он был моим первым начальником в «той самой» «Комсомолке», он выел мне все печенки.

Странное дело, но естественной в такой ситуации злости это во мне не вызывало.

Впоследствии на моих глазах и в «Комсомолке», где он «дорос» до первого зама главного, и в «Известиях», опять-таки «тех самых», от него доставалось многим.

Человек — это стиль. И в августе 1991-го Данилин на баррикады не рвался, под танки не ложился. Но... На редколлегии еще в полной гэк-чепистско-цэковской силе главный редактор хамил одной из аджубеевско-известинских звезд — Ирине Григорьевне Овчинниковой. Редколлегия опешила и попритихла. Вдруг в этой полной тишине раздался категоричный данилинский голос: «Как вы себе, Николай Иванович, позволяете говорить с женщиной. Вы потеряли достоинство не только редактора, но и мужчины!». Кто помнит те шаткие дни, тот оценит.

В «Комсомольской правде» славных алопарусовских времен была замечательная традиция — каждое первое сентября открывать номер «Актной лекцией». Мاستитый ученый, не ниже, скажем, Амосова или Патона, излагал свои взгляды на сферу, ныне непопулярную, — образование, знания. Позже, когда академики поотчаялись в просветительском рвении, а Юрий Валерьевич докопался до «Литгазеты», он сам принял сочинять первосентябрьские лекции, не уступая ничуть в блеске мысли и эрудиции научным светилам.

Кстати, о знаниях. Энциклопедичность данилинских знаний абсолютно обескураживающа. Не так давно по телеканалу «Культура» был показан фильм «Переводчик вечности», где Юрий Валерьевич был одновременно сценаристом, ведущим ну и, естественно, душой проекта. Фильм — о выдающемся музыковед Иване Ивановиче Соллертинском. После его просмотра множество персонажей из мира культуры, умов далеко не средних, в один голос ахнули, имея в виду новую данилинскую телепостась: «Где же вы раньше-то были, Юрий Валерьевич?...». На что он, скромник наш, тихо этак, почти ележно ответил: «Так ведь не звал никто...»

Познакомившись некогда в Академгородке, уже маститый ученый Никита Николаевич Моисеев и еще молодой журналист Данилин трогательно дружили четверть века. И все это время, по словам академика, свято блюли и чтли дух критицизма. Подозреваю, что именно этот дух сделал героя данного панегрифика человеком «одной группы крови» с цветом советской, а затем российской науки — академиками Лихачевым, Алфировым, Моисеевым...

Впрочем, дух критицизма делал и делает Данилина человеком «одной группы крови» не только с деятелями науки. Десятиклассником из захолустного сибирского поселка Москаленки, он отправился в Ленинград к Фаине Георгиевне Раневской.

Заявившись на «Ленфильм» и протиснув голову в примерную великой актрисы, он без всяких предисловий выпалил: «Театр гибнет!...». С тех пор их с Раневской связывали долгая и душевная переписка, дружба. Не так давно он издал удивительные «Записки на клочках» — так, вроде бы обрывки наблюдений, мыслей Фаины Георгиевны, парадоксальностью и глубиной превосходящие, впрочем, множество вымученных, обязательных мемуаров. Рецензии на эти записки по суммарному объему едва ли не превосходят саму книгу.

Или взять, скажем, милое данилинское приятельство с Мстиславом Леопольдовичем Ростроповичем (рюмочка коньячку в буфете «Литературной газеты» была для них делом святым). Или дружеские отношения с семьей Бодровых. (Трагедию в Кармадонском ущелье Данилин переживает как свою глубочайшую личную.)

О его сердечности лучше всех, пожалуй, сказала обозреватель «Комсомольской правды» Инна Павловна Руденко: «И в «Комсомолке», и в «Известиях», и в «Литгазете» он без раздумий и раскachi помогать очень многим. У него просто огромные связи и кругозор в медицинском мире. Впрочем, связи сегодня у многих (с кругозором слабее). Но у него еще — с чем сегодня у большинства совсем плохо — очень доброе сердце. И это главное. И поэтому в день его юбилея я, безусловно, наградила бы, если бы был такой орден, орденом «Доброго сердца».

Сейчас он, как любит сам говорить, удалится в деревню — причесть (ох, и любит же Юрий Валерьевич эту процедуру!) собственные мемуары. Представляю, как в них достанется «троечникам» по жизни. Как, впрочем, воздастся и «пятерочникам».

...Звонишь ему и в трубку слышишь категорично запыхавшееся: «Ну все, все... Убегаю к своим студентам». Дело в том, что во ВГИКе он не первый год ведет курс научной кинодокументалистики. И не первый год его студенты слушают несегодняшние лекции. То Юрий Валерьевич заведет их к главному онкологу страны Михаилу Ивановичу Давыдову. То ответит в Абрамцево, ночевать на даче вдовы академика Моисеева, чтобы там, при ясной луне, слушать лекции светил-астрономов...

Но... Несмотря ни на что, студентам он, как и мне в свое время, выедает печенки, пачками не принимая зачеты и устраивая выволочки. Однако они, как и я когда-то, на него злости не таят, скорее, наоборот. И я, кажется, понимаю теперь, почему. Потому что наиругательнейшее, почти что непечатное в его лексиконе слово — «троечник». И он просто, похоже, хочет, чтобы «троечников» вокруг него сновало как можно меньше.

Полагаю, дожив до своих двух «пятерок» так, как он дожил, Данилин имеет на это полное право.

● Георгий
ИВАНОВ-СМОЛЕНСКИЙ